

стремлениe это даетъ душъ высшее, истинное благо. Только въ одномъ при этомъ можно быть увѣреннымъ,— въ томъ, что хорошая жизнь дурныхъ послѣдствій имѣть не можетъ, хорошее не можетъ породить дурного. Но дальше — каково будетъ это хорошее, когда и для кого, вездѣ или нѣтъ — обо всемъ этомъ мы можемъ только гадать, что совершенно бесполезно.

На другой вашъ вопросъ: какъ слѣдоватъ раздѣляемому вами пониманію жизни, тайно или открыто? — мой отвѣтъ былъ бы таковъ. Если жить для тѣла, то нельзя быть равнодушнымъ къ тому, какъ отнесутся къ этой жизни другіе люди, и поэтому нельзя быть вполнѣ откровеннымъ, и приходится вѣчно разсчитывать, угоденъ или неугоденъ будетъ другимъ людямъ, а, слѣдовательно, выгоденъ или невыгоденъ для тебя тотъ или другой поступокъ; если же, напротивъ, жить для духа, то нѣтъ надобности скрывать свою жизнь и свои взгляды, потому что недобroe отношеніе къ нимъ и даже преслѣдованія за нихъ со стороны другихъ людей не могутъ нарушить духовной жизни или помѣшать ей: вѣдь они касаются только тѣла и безсильны повредить духу. Поэтому, если есть у человѣка сомнѣніе въ томъ, должно ли открыто слѣдоватъ своимъ взглядамъ, — то это значитъ, что онъ еще не вполнѣ освободился отъ суевѣрія, что истинная жизнь — въ тѣлѣ, а не въ духѣ. Къ разрушенню этого суевѣрія, путемъ отреченія отъ похотей тѣла и приближенія къ духовному совершенству, дающему истинное благо, и долженъ стремиться такой человѣкъ.